

О МОСКОВСКИХ ЖУРНАЛАХ²⁰

Наши журналы живущи. Посмотришь на иной: в чем душа держится? Целый год чахнет, чахнет, и только иногда, в пароксизмах какого-то воспаления, обнаруживаются в нем признаки судорожной силы. Думаешь, с концом года угаснет и он. Не тут-то было! К новому году газетное объявление извещает вас: *жив — жив Курилка*. Что ни говори, а явление это утешительно. Следовательно, смертность в созданиях умственной природы у нас еще не слишком несоразмерна с действиями производительной силы. Неужели климат наш благоприятен только для больных и вреден для здоровых? Такое предположение несбыточно и преступно против Провидения. Нет, у нас, видно, еще жить можно. Как бы то ни было, но в списке московских литературных журналов убыли нет против прошлогоднего. Начнем осмотр свой с малонадежнейших по эфирности сложения.

“Дамский журнал”²¹. Кто подумал бы, что ему уже осьмой год? Но метрическая отметка, на нем выставленная, удостоверяет вас в доказательстве долголетия, довольно почтенного в жизни журнальной. Итак, любезнейший редактор будет и на нынешний год записывать

На листочках алой розы
Мадригалы и угрозы,

111

хронику мод, столичных концертов, спектаклей, балов, крестинных обедов, именинных вечеринок и пр. и пр.

Между тем в трех № нынешнего года, доселе вышедших, выказываются попытки важнейшие: “Дамский журнал” сходит из уборной в архивы истории, от сплетней дня переходит он к преданиям столетий. Жаль только, что в материалах для истории русских женщин-авторов мало нового, то есть неизвестного; но все желательно видеть продолжение сих статей биографических, особенно полнее разработанных: они приличны “Дамскому журналу”. Он уже и так, по части женской литературы, заслуживает внимание читателей. Молодые поклонницы муз преимущественно в нем печатают свои первые опыты, и мы обязаны издателю за многие приятные знакомства. Можно посоветовать ему уважить сию лестную благосклонность к нему авторов прекрасного пола; он не должен впредь заставлять их раскаиваться в выборе сцены для дебютов, видя произведения свои, напечатанные наряду с неприличными выходками, не извинительными ни в каком литературном журнале, а тем более в “Дамском”, коего издатель увенчан миртами, заслуженными в службе граций.

“Галатеи”²² вышло в нынешнем году две книжки. Готовясь говорить об этом журнале, вспомнишь невольно, что издатель его или по крайней мере восприемник, давший ему имя свое, есть тот же, который перевел “Георгики” и “Освобожденный Иерусалим”²³: вспомнив о том, не решишься говорить о “Галатее”. Упомянутые переводы далеки от совершенства, не только идеального, но и возможного, это правда; но все же заслуги подобного рода обязывают благодарностью даже и самых строгих судей. Г-н Раич, вступая на поприще журналиста, принес имя почтенное: он мог предать его на произвол журнальных случайностей, мог даже ссудить им журнал, в котором нигде не отзываються ни вкус, воспитанный в школе изящных

образцов, ни перо, написавшее много хороших стихов²⁴; но мы со стороны должны за него дорожить именем, которое может быть с честью упомянуто после имен Петрова, Кострова²⁵, Мерзлякова, совершивших предприятия, слишком редкие в литературе нашей. Тютчев²⁶, Ознобишин²⁷, от времени до времени появляющиеся в “Галатее”, могут почестся минутными Пигмалионами²⁸, которые покушаются вдохнуть искру жизни в мертвый обломок. Во второй книжке на нынешний год есть начало критики “Крымских сонетов Мицкевича, переведенных Козловым”. В ней разбирается пока одно введение. Критик никак постигнуть не может, почему сказано в нем, что Депрео²⁹ поставил сонет *краеугольным камнем*. Не удивительно, что критикам “Галатей” неизвестны стихи о сонете из “L’Art poetique”. Un sonnet sans defect vaut seul un long poeme etc. etc., но грешно им не знать тех же стихов, переведенных в пользу русских литераторов графом Хвостовым³⁰. Вот что в переводе сказано о сонете:

Хороший наряду с поэмою большой.
Хотя писатели вокруг сонета бродят,
Но Феникса сего доселе не находят.
Творцы различных стран писали много их,
Однако в тысяче два разве не дурных.

Мы полагали, что критики “Галатей” тверже знают своих классиков и не дадут себя изобличить в неблагодарности к учителю, коего труды уже для них не *Коран*, как назван французский подлинник.

“Московский вестник” отличался с появления своего участием в нем нескольких молодых людей, обещающих быть со временем хорошими литераторами и мыслящими писателями. В этом отношении должно было снисходить

к мнениям иногда сбивчивым, учености незрелой, суждениям заносчивым и выражениям слишком резким, коими ознаменованы были многие страницы сего журнала. Разумеется, говоря здесь о *молодых надеждах* наших, не включаю в их число г-на Арцыбашева, который в 1828 году на горизонте “Московского вестника” разразился каким-то феноменом, оставившим по себе треск, дым и смрад³¹. 1-я книжка на нынешний год не без занимательности. Четыре стихотворения Шевырева³², Баратынского, Языкова³³ и Глинки составляют стихотворное отделение. В произведении первого более поэзии в вымысле, чем в исполнении. Стихотворение Баратынского “К подражателям” было бы еще лучше, если бы сжато было в эпиграмматическую раму, то есть в 12-ть или 14-ть стихов. Редко случится жаловаться на излишество стихов Баратынского, и мы поддались на этот упрек для странности. “Преступница”, повесть г-на Погодина³⁴, принадлежит к роду уголовной литературы, которая в чести у нас и уже обогащена несколькими произведениями того же автора. Имеет ли он довольно энергии в кисти своей для изображения подобных картин и попал ли он точно на род, свойственный дарованию его? Не знаем, но все признаем в рассказе его довольно живости и разнообразия. Странно, что истинное происшествие, служившее содержанием сей повести и сохранившееся у нас в народной памяти, породило в одно время и другую повесть, напечатанную в “Деннице”³⁵. Сочинение Феофана Прокоповича³⁶ “О смерти императора Петра II и о восшествии на престол императрицы Анны” -

исторический факт отменного достоинства. Он любопытен как памятник политических мнений автора и многих других чиновников той эпохи. Жаль, что из сей статьи выпущено письмо императрицы верховному Совету. Можно заметить, что подобные статьи не входят в принадлежность современного литературного журнала; но что показалось бы неуместным в иностранном журнале, то в нашем и очень еще у места. Главное в журнале русском, чтобы не было пустых мест. Применение правила о *разделении работы* еще преждевременно в политической экономии журналов наших. Критика на роман “Юрий Милославский”, сообщенная в эту книжку, очень забавна. Начать с того: критик объявляет, или сознается, что он уже несколько раз прочел его *со вниманием и всегда с наслаждением*: можно подивиться досужности рецензента, сообразив, что роман сей только что вышел в свет. Трудно между тем согласить общее суждение его о сем творении с частными его же суждениями. Вообще он радуется ему, как *общему добру*; но, следуя за ним далее, видишь, что сие добро очень изменяется, хотя радость рецензента остается неизменною. Например, по мнению его: герой романа *слаб умом*, хотя он *предобрый и благородный и храбрый человек*, но *слишком горячо к нему не привязываешься*; как скоро он *действует с кем-нибудь вместе*, он уже *играет второклассное яйцо* (видно, он человек и учтивый: уступает первое место другим); в нем *ничего нет славного, сильного, увлекательного* (хорошее и заманчивое одобрение роману!), *самобытного*. Его *спасают, посылают, освобождают, не слушают, разрешают и венчают*. (Тут придется спросить: зачем же читают?) Другие действующие лица *весьма неблагоразумны, даже просты* (приятно общество такого романа). По другим частным замечаниям и приводимым доказательствам тем же благосклонным рецензентом

видишь, что автор романа писал многое наобум, в припадках удивительного рассеяния, без соображений умственных, даже и физических. Стихии, времена года, действия, чувства, выражения приводятся

113

невыпадом и неудачу. После того вы заключите, что рецензент под конец очень не доволен романом; напротив: по его же словам, *весь роман есть одна из приятнейших и замечательных страниц в летописях нашей словесности.* Хотя рецензент и прочитал уже несколько раз разбираемую им книгу, но, по-видимому, все еще не довольно: нужно ему прочесть ее еще, чтобы согласить свои противоречия. Появление “Юрия Милославского” и суждения о нем приводят к любопытному заключению. Мы очень любим ахать от удивления и способны к чувствам унижения и смиренномудрия. Появился роман — и тотчас во сто голосов твердят, что это у нас первое явление в своем роде, сей час готовы почтить автора новым Колумбом, открывшим неизвестный мир, и судить его не по исполнению, а безусловно, по одной решимости предприятия. Можно ли оценивать роман по достоинству первородства, если и признать за ним это достоинство, на которое, впрочем, согласиться нельзя? Если он хорош, то будь он хотя первый, хотя десятый, все равно; если он посредствен, то первородство не придаст ему занимательности, верного, живого изображения людей, человека, общества, эпохи, страстей, которого в нем нет. Новое открытие в области ума, новая форма, в которую автор выливает свои творческие мысли,— это дело другое: тут первый опыт обязывает благодарностию и

снисхождением. Но форма, разнообразные формы романа давно известны, и в этом отношении русскому автору, наравне с другими, не для чего ломать себе мозг, чтобы вызвать из него Минерву, давно уже взрослую и устаревшую. Хороший роман, а ныне требования взыскательны, есть дело соединения сил и способностей необыкновенных: нет ничего легче и ничего труднее создания романа. Как роман ни будь ничтожен, но все он найдет читателей. В публике много детей: им нужны сказки. Почему наши лучшие писатели не искушались в подобных предприятиях? потому, что истинное достоинство строго к себе, потому, что истинное дарование не захочет просто тешить праздность читающей черни и служить чтением при ночнике на сон грядущий: участь, ожидающая почти все романы, за исключением двух, трех из ста, из двух сот, если не более. Почему же другие пишут у нас романы? потому же, что у нас несколько эпических, едва не вырвалось из-под пера, эпидемических поэм. Посредственность хочет оправдать эпитет: *золотая*, данный ей поэтом. Что может быть отважнее императора? он на все идет и всюду лезет.

Другие журналы московские запоздали, не известно по каким причинам. Замедление одного “Телеграфа”³⁷ понятно. Редакция “Московского телеграфа” может забывать об участии подписчиков своих, занимаясь судьбою русского народа, которую она преобразовывает по гипотезам, а другие говорят, и по оставленным фактам покойного Ходаковского³⁸. Ей предстоит множество хлопот: она должна переваривать в слог своем мысли *новых мыслителей*, так, чтобы после химического производства осталась чистая безмыслица, чему и есть уже опыт в предисловии к “Истории русского народа”³⁹. Там занимается она производством историков: кого пожалует в

первого историка, кого разжалует со чреды, на которую поставили его заслуги личные, уважение сведущих людей и благодарность народа. Где же ей тратить время на мелкие издержки журнальные? Кстати, говоря об “Истории русского народа”, можно заметить, что если *посвящение Нибуру* не пойдет в образец логики и слога, то бесспорно может оно идти в образец беспристрастия. Тут нет и тени лицепрятия. Русский писатель, не знающий немецкого языка, посвящает свою книгу немцу, не знающему по-русски.

114

Жаль, однако же, что народные попечения отвлекают издателя “Московского телеграфа” от журнальных занятий. Журнал его, несмотря на неправильность языка, которою обезображена большая часть статей его, на неправильность мыслей, обезображивающую большую часть литературных суждений, в нем разглашаемых, на зыбкость мнений, столь же необходимых в книге, как и в человеке, журнал его, в журнальном отношении, все еще лучший у нас. Хотя зеркало и тусклое, нечистое, худо шлифованное, но все он более прочих журналов наших отражает движения европейской умственной деятельности.

115